

13.02.93

Он умел учиться везде

Рос. вестн. - 1993. - 13 февр. - с. 6.

Евгений НЕСТЕРЕНКО

Слушая пластинки некогда знаменитых вокалистов, иной раз удивляешься: почему они имели такой успех? Очевидно, запись не передает всего того, чем покорила публику артист. С Шаляпиным подобного вопроса не возникает. Дело не только в том, что его голос хорошо ложился на микрофон, как сейчас говорят, а в том, что духовное, художественное содержание его пения неизмеримо выше содержания пения многих его современников.

Исполнительская фигура Ф.И.Шаляпина преподает нам уроки, которые надо уметь воспринимать. Вышедший из бедной семьи, не получивший систематического образования, он стал образованнейшим человеком. Воспитать в себе потребность и умение «жрать знания», которые заметил в Шаляпине К.С.Станиславский, чрезвычайно важно. Лев Никулин приводит в своей книге о Шаляпине слова великого певца: «...я и после успехов... продолжал учиться у кого только мог и работал».

О Шаляпине говорят, что у него был «поставленный от природы голос». Возможно ли это? Певческий голос развивается лишь в процессе пения. На мой взгляд, правильнее было бы говорить не «от природы поставленный голос», а «певец, не имеющий - либо от природы, либо от неверного обучения - ложных навыков, зажатости, скованности». Поэтому, думаю, голос Шаляпина не был поставленным от природы. Другое дело - он умел учиться везде, где только мог, - актерскому исполнению, умению носить костюм, гримироваться, двигаться, манерам, языкам. Так же он учился и пению - слушая других, проверяя себя, используя, наконец, грамофонную запись. Если сравнить ранние и поздние грамофонные записи Шаляпина, можно заметить рост не только исполнительского, но и вокального мастерства.

Слушая Шаляпина, читая его мемуары, глядя на фотографии, картины, знакомясь с воспоминани-

ями о нем современников, представляешь себе почти живой образ гения мировой оперной сцены. Возможно, поэтому влияние шаляпинского творчества на певцов, исполняющих его репертуар, огромно. Этого влияния очень трудно избежать. Будучи начинающим певцом, я без конца слушал записи Федора Ивановича, и многие его интонации, его интерпретации образов буквально врезались в память. Работая над произведениями из его репертуара, трудно было освободиться от концепций великого артиста. Со временем я понял, насколько различно иной раз понимание какого-то образа Шаляпиным и мной, поэтому мне необходимо было некоторое время вообще не слушать его записи, хотя для меня это - громадное эстетическое наслаждение.

Бывает так: артист якобы учится у Шаляпина, пытается имитировать голос, а если разобраться - не голос, а просто те или иные особенности его пения, сплошь да рядом ненужные, которые и у Шаляпина-то выглядят не слишком хорошо, а у другого певца тем более: различные придыхания, украшения, искажения нотного текста.

То же самое происходит с репертуаром. Певец вроде бы исполняет те же роли, причем старается скопировать грим и костюм и, насколько возможно, сценическое поведение... Но Шаляпин, наоборот, прежде всего искал свой путь в искусстве, свой репертуар, свою интерпретацию, завоевывал право на свое собственное творческое лицо. Ведь он жаловался, что, когда начал работать в Мариинском театре, его заставляли играть так, как играл И.А.Мельников. Шаляпин сознавал свое предназначение в искусстве и в жизни и стремился идти своим путем.

Гений дает примеры не только для восхищения, но и для сожаления. У меня есть вырезки из старых журналов, где изображен Шаляпин в спектаклях, например, в опере Бойто «Мефистофель». Среди толпы ряженых стоит настоящий Мефистофель. Здесь нет ансамбля, который должен существо-

вать в оперном театре. Есть гениальный артист, перевоплотившийся в Мефистофеля, и артисты хора, миманса, а также солисты-партнеры, оставшиеся самими собой. Снимки эти производят ужасное впечатление. Шаляпин, этот бриллиант, всегда был достоин лучшей оправы. А он не мог ее получить, потому что реформа, совершенная им в оперном деле, касалась прежде всего его самого. И, несмотря на его попытки режиссирования, он не смог создать свой театр, который основывался бы на его творческих принципах. А когда время создания подобного театра подоспело, когда Шаляпин был в зените своего мастерства, когда он создал весь свой необъятный репертуар и накопил огромный опыт, он поехал на лечение и на гастроли за границу. Возвращение домой несколько раз откладывалось, новые контракты, болезни и необходимость лечения меняли планы певца. До конца дней он сохранял свое гражданство, безумно тосковал по Родине: «Без России и без искусства, которым я жил в России... очень скучно и противно». На чужой земле создать свой театр оказалось невозможно, для этого ему нужна была живительная почва родной культуры. В этом была страшная трагедия великого артиста.

Весной 1973 года, вскоре после празднования столетия шаляпинского юбилея, мне довелось побывать в Монте-Карло, где некогда гениальный артист впервые выступил в заглавной роли в опере Массне «Дон Кихот». Там была устроена большая выставка, посвященная столетию со дня рождения С.П.Дягилева. На ней меня особенно поразил один экспонат: бронзовая посмертная маска Шаляпина из коллекции Сержа Лифаря.

...На фотографиях Шаляпина в молодости у него простое, мужицкое лицо. Постепенно, с годами оно как бы озарялось пламенем гениальности, пылавшим в его душе, отшлифовывалось ролями, которые Шаляпина в зрелом возрасте мы видим совершенно иную осанку и иное лицо - благородное, породис-

неким отпечатком аристократизма. Посмертная же шаляпинская маска меня поразила: смерть сняла весь налет, благоприобретенный им в течение его творческой жизни. Передо мной было лицо уставшего, глубоко страдавшего русского крестьянина. Смерть обнажила подлинный облик гениального артиста, вышедшего из самых низов народа и прославившего этот народ.

Шаляпин Ф. И.